

Ким Рёрен

18+

Удар

Кикбоксинг для чайников

완득이

Ким Рёрен

Удар. Кикбоксинг для чайников

Серия «Лучшие дорамы»

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69567772
ISBN 978-5-17-156432-2

Аннотация

Старшекласснику Вандыги приходится несладко. Он считает, что судьба к нему несправедлива: мать бросила еще во младенчестве, отец неделями не появляется дома, пытаясь хоть как-то заработать на хлеб, дядя – сам как ребенок... Еще и настырный классный руководитель поселился по соседству и не дает покоя ни днем ни ночью. Он резок и груб с Вандыги, но именно благодаря неугомонному и равнодушному наставнику юноше удастся изменить свою жизнь...

Содержание

Часть 1	6
Девяносто девять ударов	6
И на том спасибо	19
Папенькин сынок	32
Прости, мама	44
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Ким Рёрен

Удар. Кикбоксинг

для чайников

###

###

WAN DEUKYI

KIM RYEO-RYEONG

Печатается с разрешения

Imprima Korea Agency (the Republic of Korea)

и Impressum Literary Agency (Russia).

Издание осуществлено при финансовой поддержке

Корейского института литературного перевода

한국문학번역원

Wan Deukyí (###)

by Kim Ryeo-ryeong (###)

Copyright © Kim Ryeo-ryeong (###), 2008

All rights reserved.

Original Korean edition published

by Changbi Publishers

© Нестерова Д. А., перевод на русский язык, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

Часть 1

Девяносто девять ударов

Господи, у тебя все сокровища мира... А Тончжу носит и носит свои подачки. Ну, хочешь, я тоже буду? Вот начну подрабатывать... Обещаю, верну с процентами. Только прошу, помоги от него избавиться. Орудие кары на твой выбор: удар молнии, авария – да что угодно! Всю неделю он нарушает заповеди, а в воскресенье приползает, типа раскаявшись, и ты все прощаешь? Ну как так-то?! В общем, я не отстану: буду ходить сюда, пока не выполнишь уговор!.. Аминь, короче.

– Привет, сестра, – с сильным акцентом обратился ко мне какой-то подозрительный тип.

Судя по его виду – вьющиеся волосы, темная кожа, разрез глаз – он был из Юго-Восточной Азии. Да хоть с небес спустился – мне, честно говоря, плевать. Уже третий раз этого

парня вижу. И чего тут пасется? Смерив его взглядом, я направился к выходу. Вот тупица! Какая «сестра»? Не видишь, что перед тобой мужик? Если бы не Тончжу – а ходит он именно в эту церковь, – то духу моего бы здесь не было.

– Ну что, бездари? Ты смотри, как зубрят! Можете не стараться... Кому вы сдались? Миром правят гении! А вас только в массовку. И то, если повезет...

Позвольте представить: препод, выпустивший не одно поколение будущих уголовников, и по совместительству – наш классный руководитель Тончжу по прозвищу Говнюк¹. Он утверждает, что учит своих подопечных только хорошему, но почему-то большинство из них заканчивают плохо. Короче, это детали, а факт остается фактом: классный уверен, что и меня ждет печальный конец.

– У Вандыги все шансы закончить в тюрьме. Ишь, кулачищи! А как глядит исподлобья! Не умеет и ручку в руках держать – чайник еще тот! Зато подрастет – научится держать нож... Вандыги, когда возглавишь корейскую мафию, не забывай, что я всегда в тебя верил!

Это он типа прикалывается, но у класса, само собой, ноль

¹ Игра слов: на языке оригинала имя Тончжу звучит как «Говнюк», если изменить одну букву. – *Прим. пер.*

реакции. Ведь если заржать в неудачный момент, можно услышать гадость и в свой адрес.

Блин, Тончжу, совсем, что ли, не шарить? Если мне доведется возглавить корейскую мафию, тебе первому не поздоровится! А пока живи и молись, чтобы предсказание не сбылось.

Да, некоторые называют меня шпаной, но это вранье. Я избегаю уличных драк. Себе дороже. Реально могу врезать только тому, кто посмеет обозвать отца карликом, – здесь долго думать не стану и сразу отправлю в нокаут. «Какой хороший сын», – подумали вы? Да нет, просто бесят такие... прямо до чертиков! И плевать, почему они обзываются: хотят унизить отца – он и вправду не вышел ростом – или задеть меня лично.

– Проклятая школа! Зачем, спрашивается, всем подряд ходить на дополнительные занятия? Понабрали дебилов! Охо-хо... Давайте шустрей! Кто собрался дрыхнуть – сладких снов. Классного часа не будет, так что прозвенит звонок – свободны.

И Тончжу, почесывая башку, вышел из класса. Немного погодя я последовал его примеру.

– Эй, Вандыги! Куда намылился? Что, шило в одном месте? Не можешь подождать, пока преподаватель уйдет?

Отвечать ему я не стал.

– Ладно, прогульщик, пойдем. Опять халява привалила – кто-то из параллельного класса не забрал матпомощь. Стыд-

но им, видишь ли... Так что она твоя.

Я стиснул зубы.

– Ну, чего рожу кривишь? Вот балда! Бедность – не порок!
А с голоду помереть не стыдно?

Больше всего мне стыдно, что мой классный такой урод.

– Давай бери. И никаких разговоров! Мне тоже не забудь пару штук оставить. Получше – со злаками. – Сказав это, Тончжу зашагал вперед.

Своей небрежной походкой классный сам напоминал бандюгана. Чертова матпомощь! У меня вообще-то тоже есть гордость... Нельзя хотя бы не орать? Я даже согласен тащить твою долю, только заткнись ради бога! Сволочь... Надрываюсь тут, а он на все готовенькое.

В итоге пришлось до конца отсидеть дополнительные занятия, а после переть домой коробку вакуумных упаковок с готовым рисом. Выбросить не вариант, ведь Тончжу потом с меня спросит. Господи, давай уже резче! Чем ты там занят таким важным?

Сквозь матовое окошко входной двери сочился свет. Похоже, папа уже дома. Среда, десять минут двенадцатого... Вообще-то в это время он должен быть еще в пригороде.

– Па, уже дома? – крикнул я.

– Пи... пи... писатель, Ва... Ва... Вандыги...

Вместо голоса отца слышался лепет дяди Мингу.

– И ты здесь? – удивился я. – Ну какой писатель... Дого-
ворились же.

Чтобы его понять, нужно дослушать до конца, но я могу
догадаться по первому слову.

Дядя танцует в кабаре. Но это не то, о чем вы подумали.
Он всего лишь платный партнер по танцам, и точка. Когда
бизнес был на грани банкротства, хозяин кабаре схватился за
последнюю соломинку и нанял профессионального танцора.
Джиттербаг² в исполнении дяди Мингу – просто улет! Глав-
ное – держать лицо и точно двигаться, иначе выйдет слаща-
вая каша. А дядя зажигает так, что и партнерша, и зрители
буквально визжат от восторга. «Вы – чудо! Я оплачу еще та-
нец», – говорит она. «Ко... ко... конечно», – заикается он и
мигом теряет очарование...

В нашей квартире на крыше рядом со шкафом появились
предметы, которых раньше здесь не было. А именно – си-
ние пластиковые коробки. Мы что, опять переезжаем? Из од-
ной торчала штанга для вешалок. Наверное, там одежда. А в
остальных? Откуда у нас столько тряпок? Или это сцениче-
ские костюмы?

– Пиши сочинения, тренируйся и сможешь поступить.

² Джиттербаг – танец, разновидность свинга, общим стилем движений напоми-
нающий буги-вуги и рок-н-ролл. Пик популярности пришелся на 1930–1950-е
годы. – *Прим. ред.*

Сынок... Эх, ну что с тобой делать! Ладно, давайте ужинать, – сказал папа, похлопав по одной из коробок, как будто с ней и разговаривал.

«Сынок, я тебе желаю лучшей жизни, а для этого пиши, сочиняй истории!» – вот что он хотел, но не мог сказать вслух. В наше время книг не пишет только дурак. И я, к сожалению или к счастью, и есть этот самый дурак. Но по злой случайности роль горе-писачи выпала именно мне, и избежать ее никак не получалось.

Отец уверовал в мой «талант», когда мне было шесть лет. В Корее есть одна песенка, которую знают все дошколята. Называется «Наш детский сад». В игровых комнатах, в яслях, в детсадах – везде ее твердят до одурения. Ума не приложу, как так вышло, но я стал петь эту песню вперемешку с другой, рождественским канонам «Не плачь». Наверное, в голове переклинило... В общем, в моем исполнении она звучала таким образом:

А у нас друзья-подружки,
Как цветочки на опушке:
Спят, обедают, танцуют,
И читают, и рисуют.
И в веселье, и в обиде...
Дед наш Санта все-то видит.

Походу, в том возрасте Санта был моим кумиром, судя по тому, как часто я упоминал его к месту и не к месту. Вос-

питательница сердилась, потому что другие дети стали переиначивать слова вслед за мной. Но мамочки сочли это настолько милым и необычным, что на родительском собрании папе даже вручили подарок – набор для душа.

С тех самых пор отец свято верил в мою одаренность, и когда я перешел в старшую школу, этот абсурд достиг своего пика. Весенний конкурс эссе по прочитанным книгам, организованный директором, не устававшим подчеркивать, что «истинное образование – это воспитание души», еще раз подтвердил, что никакого таланта у меня нет. Сам-то я отлично знал, что писанина – не мое, как и всякие тупые конкурсы. Но смыться, не положив готовую работу учителю на стол, было невозможно. Поэтому я кое-как накропал нужное количество знаков и свалил с чистой совестью.

– «Извозчик Ким подвозил девушку Поннё...» Они же из разных произведений, балда! «...И склонил ее к интиму, из-за чего у его жены случился инфаркт». Хм, вот как? «Старый извозчик взял серп и...» Что-о?! Ты прям писатель-фантаст! Читал хоть «Удачный день» и «Картошку»? Или увидел в тесте по литературе отрывки «а», «б» и «в» и решил, что это один рассказ?

Я молчал.

– Думал, конкурс – формальность, ничего и проверять не будут?

Классный, ответственный за конкурс, шутиливо постучал мне по лбу. Ну думал... И что? Я просто написал свое мне-

ние: автор сатирически изображает распушенный мир, где развлекаться с малолетками за деньги – обычное дело. А Тончжу, препод обществознания, стал распекать меня, мол, я это нарочно сделал – убедиться, что в литературе тот ни бум-бум. Ну и чтобы поржать, конечно. В довесок он припомнил мне драку в начале четверти и вынес абсолютно идиотский вердикт: двенадцать месяцев испытательного срока, а если снова накосячу, меня ждет порка – девяносто девять ударов. Что ж, наказание откладывалось, и мне ничего не оставалось, кроме как с горькой усмешкой покинуть учительскую.

Пока все идет гладко – я не получил ни одного удара. И не только я. В нашем классе сорок человек, и каждому, кто в чем-то провинился (а таких большинство), Тончжу назначил испытательный срок и возможное наказание в случае нового «преступления». Например, одному нужно быть паинькой целых четыре месяца, иначе придется наворачивать сорок кругов на спортплощадке; второму – месяц, а не то будет драить полы в классе до блеска; третий может отделаться и неделей, иначе придется раскошелиться на напитки для всего класса.

С отцом Тончжу познакомился в тот роковой день, когда мы переехали в этот район. Оказалось, что классный живет по соседству, в доме напротив, в такой же квартирке на крыше, как наша. С тех пор моя жизнь превратилась в кошмар. Перегнувшись через коробки, еще не распакованные после

переезда, папа доверительно поинтересовался, что тот думает о моем будущем. Спрашивать о моем будущем Тончжу, который, ступив за порог школы, чудесным образом перевоплощается из учителя в обычного говнюка, просто смешно. Ведь педагог он только в рабочие часы – таков его идиотский принцип. Поэтому классный отвечал с неохотой:

– Да, я читал эссе Вандыги... Впечатляет! Такая оригинальность, чувство юмора... Думаете поступать на филологию?

Папа принялся рассказывать, каким одаренным ребенком я рос. Тончжу поддакивал, похлопывая себя по колену. Так они нашли общий язык, и на следующий день мне пришлось бегать по школе в поисках Тончжу, чтобы вручить подарок от папы – булавку для галстука с золотым напылением в восемнадцать карат. После этого случая любви к литературе у меня, мягко говоря, не прибавилось, зато прибавилось у папы, которому Тончжу бессовестно навешал лапши на уши.

Отец наспех распаковал синие коробки, в которых, как я и думал, оказались сценические костюмы, и сел, прислонившись к одной из них.

– Директор Чон жалуется. Говорит, налоги бешеные. Теперь вместо нашего кабаре будет «Кола-бар», – сказал он с нотками горечи в голосе.

– Кола-бар?

– Уже и вывеску сменил – будет все внутри переделывать. Ни зазывалы, ни танцоры ему теперь не нужны...

В четвертом классе я перерос отца. Такой он маленький человек. Но маленький не значит ребенок, хотя посетители каба́ре будто не понимали этого. Они обращались к нему как к какому-то пацану: «Эй», «Подойди-ка», «Малой»... Папу аж передергивало от подобного обращения, а они начинали ржать. Но, похоже, весь этот цирк уже мало кого привлекал. И хорошо. Не выношу подобных уродов.

– Значит, будешь устраиваться в новое заведение?

– Нет, каба́ре сейчас непопулярно... Нужно искать что-то другое.

Папа положил свой крошечный фрак на самое дно огромной сумки.

– Мингу звали танцевать в Пучхон, а он уперся, говорит: «Не поеду».

– Да? – зачем-то переспросил я.

Дядя Мингу, преданная душа, лишь безмятежно улыбался.

Когда отец выступал, зрители покатывались со смеху. Мы с дядей были единственными, кто мог оценить его профессионализм. Дамочки, которым папа не доставал и до пояса, засовывали купюры под ленту его фетровой шляпы и хлопали по заднице. Как ребенка. Но, в отличие от них, дядя всегда уважал отца. И тот научил его танцевать джиттербаг, ча-ча-ча, джайв... Дядя очень старался. И в какой-то момент даже превзошел своего учителя.

«Рожей вышел, а мозгами нет. Ха-ха-ха!»

Если дядя молчал, посетители думали, что он высокомерный, а когда пытался что-то сказать, начинали издеваться. Самые вредные специально старались его разговорить, чтобы лишний раз поглумиться. Откуда я это знаю? Конечно, несовершеннолетним в кабаре нельзя, но кто запретит сыну видаться с отцом, пускай и у него на работе? Так вот, по случаю закрытия этого прекрасного заведения от всей души хочу пожелать его посетителям сдохнуть со скуки.

– Попробуем вариант с метро. Возьмем на складе товар и пойдем торговать, – поделился со мной отец.

– Разве это законно? – удивился я, поднимая сумку, которую он положил у двери.

– Главное пошевеливаться, и тогда не нарвемся. Прокатит или нет... Посмотрим.

Я водрузил сумку на тележку.

Папа и дядя почти полжизни провели в шумном полумраке кабаре, а теперь собираются торговать в метро, где яркий свет бьет в глаза и пассажиры сидят с каменными лицами. Пока за окном светло, эти двое даже из дома боятся выползти... Уверен, что резкая смена обстановки ни к чему хорошему не приведет.

Тут мои мысли прервал чей-то крик:

– Ванды-ыги-и! А-у-у! Ло-дырь!

Ну, разумеется... Это Тончжу орет с соседней крыши. Опять приспичило погорланить среди ночи.

– Кто это? – удивился отец.

– Наш классный, не узнал?

Пришлось выйти наружу.

– Эй, чайник! Че так долго! Брось риса!

Тончжу – единственный в мире препод, который способен отобрать последние крохи у собственного ученика.

Я пошел за рисом и, вернувшись, швырнул ему одну упаковку, целясь в башку. Получи и сдохни! Эх, мимо...

– А че белый? Черный давай!

– Вчера последняя была!

– Ну ты и проглот!

Господи, за что мне все это? Разве я просил его о помощи? Раньше у меня не было никаких особых привилегий. Но когда я перешел в старшую школу, Тончжу, пользуясь случаем, выбил мне льготы в связи с «тяжелым финансовым положением в семье». Это, конечно, хорошо: плату за обучение снизили, дают бесплатные обеды... Папе стало хоть немного, но легче. Правда, Тончжу возомнил себя великим благодетелем и окончательно потерял совесть. Халявный рис, который вообще-то выдают мне, он может умять в одно рыло.

– Здравствуйте! – поздоровался отец, выходя на крышу.

– А, господин До! Вы дома?

– Уволился!

– Будем чаще видеться!

– Выходит, так!

Они перекрикивались еще пару минут, пока их не прервали.

– Вот гад! Каждую ночь то Вандыги, то Мандыги³! Дурдом! Сволота! Телефон вам на что?! – высунув голову в окно, заорал дядька из дома напротив, от которого нас отделял лишь узенький переулок. Его крик пронзил ночную мглу, как кинжал.

– Пошел ты! – рявкнул Тончжу в ответ. – У Вандыги нет телефона! – добавил он и тут же скрылся за дверью.

Да есть у нас телефон! Господи, поторопись, умоляю. Боюсь, не дотяну до конца недели...

³ Вымышленный герой радиосторий, популярных в Корее во второй половине 1990-х годов. – *Прим. пер.*

И на том спасибо

– Ого, это что?

– Огу... Огурцере... Огурцerezки.

– Много продали?

– Про... прогнали. Ой-ей!

– Кто вас прогнал?

– Да есть одни. Заправляют там всем. Нужно было у них товар брать...

– Вот значит как?..

Оказалось, огурцerezкой тонко нарезают огурец, чтобы наложить кружочки на лицо для увлажнения кожи. Папа сказал, что большую часть этих шуток они растеряли, пока убегали. Но это еще полбеды. Самое неприятное – у дяди рассечена бровь, а на ноге красуется синяк. Похоже, он принял на себя все удары. Но даже теперь дядя не перестает улыбаться. А ведь папа ему не родня...

– По... По... Подберем.

– Я специально их выбросил, – сказал папа, с легкостью успокоив дядю, который переживал за потерянные вещи. – Вот, возьми, – он протянул ему свою любимую фетровую шляпу.

Обычно, собираясь зазывать народ в кабаре, папа надевал другую – с подвесками на полях или с пером за лентой. А эта предназначалась для тех торжественных случаев, когда он поднимался на сцену. Шляпа была старая, но с годами становилась лишь краше и солиднее.

Дядя вставил диск в проигрыватель и нажал кнопку. Зазвучала песня Monkey magic. Он поставил ее на повтор, нахлобучил шляпу и стал танцевать под динамичные ритмы, наполнявшие комнату. Я понял, что ему, несмотря на улыбку, фигово. Ведь этот танец для особых случаев, когда нужно отвести душу. Бедняга... Еще эта ссадина над глазом...

– Как у тебя с сочинениями?

Отвечать не хотелось.

– Тебе нужно поступить.

Я снова промолчал.

– Не обязательно в престижный вуз. Можно и в средненький. Хотя бы попытайся! Упустишь время и уже не поступишь, даже если захочешь. А в метро столько студентов! На второй линии... Красота!

«Monkey, monkey, monkey, monkey magic. Monkey, monkey, monkey, monkey magic». Дядя лихо отплясывал диск, а ведь ему уже за тридцать... Вот где красота!

Я раскрыл тетрадь. Нет, не потому что вдруг решил поступать. Просто папа, казалось, ждал именно этого. Он сделал музыку потише. Легонько сжал мое плечо... В этом жесте чувствовалось поощрение. Затем сел рядом и резинками стал скреплять оставшиеся огурцerezки в связки по три штуки. Даже не знаю, удастся ли их теперь распродать... Было похоже, что отец думает что-то типа: «Пока вот чем займусь, а ты уж пиши». Если бы не дядя со своим диско, я бы не стал устраивать этот цирк.

– О, да у вас тут творческий вечер? Эгей! «Манки мэд-жик»! – прокричал Тончжу, внезапно открыв дверь и оглядев комнату. – Так-так-так... Один, значит, пляшет, второй бумагу марает, третий дело делает... Вот это я понимаю!

– Здравствуйте! – поднявшись, поздоровался папа.

Дядя тут же забыл про диско и прилип к стенке, как он всегда делает при виде незнакомого человека.

– Так и знал, что вы дома. Решил вот зайти, – продолжал Тончжу, опуская на пол пакет с бутылками соджу и упаковками сушеных кальмаров. – Кабаре накрылось медным тазом? Вандыги, сходи на кухню, принеси рюмки.

Я сделал пару шагов до буфета. Кухня – одно название – была у него перед самым носом, возле входной двери.

– Ну да, можно и так сказать.

Я поставил на пол три рюмки.

– Хм, и как же теперь?

– Пойдем в метро торговать.

– Ох, тяжело будет...

– А кому сейчас легко? Мингу, подойди, поздоровайся.

Это классный руководитель Вандыги.

Дядя стянул шляпу и присел рядом с папой.

– З... З... Здравствуйте. Я... Я... На... На... Нам Мингу.

Вежливо протянув руку, он низко склонил голову.

– Нан Нингу? Какое необычное имя!

– Нам Мингу. – Мне пришлось поправить его, попутно деля кальмара на части.

– А, Нам Мингу! А кем вы приходитесь Вандыги? – поинтересовался Тончжу, разглядывая своего собеседника.

– Дядей, – ответил я. Не родным, конечно, но объяснять что-то Тончжу... Обойдется.

– О-о, вот что значит гены! – протянул тот, наливая в дядин стакан. Отец неодобрительно кашлянул.

– Шучу-шучу...

Папа, в свою очередь, наполнил рюмку Тончжу.

– Хорошо, что вы рядом – теперь могу со спокойной душой отлучиться в пригород.

– Да, мальчик у вас непростой... Он мне тут выдал: «Чем я так, мол, провинился, что должен с преподам – со мной то бишь – по соседству жить».

– Мы раньше на нижних снимали, но там дороговато. Пришлось сюда перебраться.

Папа махом опустошил рюмку. Дядя подлил еще.

– А вы один живете?

– У меня стандарты высокие. Хочу, чтобы супруга соответствовала!

Да кто на тебя позарится? Если только из жалости. И вообще. Таким, как ты, жениться противопоказано... Жена с горя в монастырь уйдет!

– Ну и правильно! Кстати, хотел спросить, как у Вандыги с сочинениями? Есть прогресс?

– Конечно. История Европы, Азии, гендерные роли... В этих темах ваш сын просто ас!

Черт, опять он про тот тест. Я сдуру решил, что Жанна Д'Арк – это какой-то кореец Чжан Дак, который почему-то на коне скачет... Согласитесь, похоже ведь звучат имена.

Папа расплылся в довольной улыбке.

Две бутылки соджу, которые притащил Тончжу, быстро опустели. Кажется, все получали удовольствие от вечера. Ну, кроме меня.

– А че музыка так тихо? – спросил Тончжу, уже порядком осоловев, и выкрутил звук на максимум. Музыкальный центр – самая дорогая вещь в нашем доме – показал всю свою мощь.

«Monkey, monkey, monkey, monkey magic! Monkey, monkey, monkey, monkey magic!»

– Какая тварь врубил эту хрень?! Ночь на дворе! Ща я те башку снесу! Твоим monkey!

Это снова сосед из дома напротив. Тончжу высунул голову за дверь и проорал в ответ:

– Вандыги срочно нужен monkey! Тогда его папа сможет работать!

Если он имел в виду monkey spanner, который гаечный ключ, то у нас он есть. Хотя к папиной работе гаечные ключи не имеют никакого отношения – огурцerezки, он продаст огурцerezки, тупица. На этом Тончжу смущенно распроцался с отцом и наконец свалил.

– Кто телегу наката, спрашиваю?!

Классный был в бешенстве. На сайте школы появилось анонимное сообщение о том, что на каждом своем уроке он болтает на посторонние темы и не проводит как полагается дополнительные занятия.

– Зачем вам какая-то школка? Вы все крутые! Хагвон⁴ подавай, и подороже! Бахнем в детсаду программу началки! Вот веселуха! А в старших классах – сразу первый курс универа, чего мелочиться!

– А я не хожу в хагвон, – ляпнул придурок Хёкчу и сразу же пожалел об этом.

– Я знаю, что ты дебил! По оценкам видно. Ты наката? Что, в универ хочешь?

⁴ Частное учебное заведение в Корее, обычно имеется в виду подготовительная школа. – Прим. пер.

– Не откажусь.

– Встань и спой третий куплет гимна.

Хёкчу поднялся, со скрежетом отодвинув стул, и промямлил:

– Ну, третий как раз не помню...

– Вот и поступай! Туда, где доплачивают, если друга с собой приведешь... С ногами и руками оторвут!

Все стали ржать и стучать по партам.

– Так, кто у нас первый по успеваемости? А, Чон Юнха!

Она, кстати, ничего, эта Юнха. И учится на отлично.

– Ну-ка, продемонстрируй. Давай с первого по четвертый куплет, – обратился к ней классный.

Юнха даже не шелохнулась. Видно, что гордая.

– Слов не знаешь или петь не умеешь?

Девчонка все так же молчала.

– Вот ты, Юнха, поступай в Сеульский. Там все умники и зазнайки.

Сзади я увидел, что Юнха подняла голову и смотрит на классного. Готов поспорить, это был взгляд, полный ненависти.

– С этого момента все, кто будет прогуливать дополнительные занятия или дрыхнуть, пеняйте на себя! Начнем урок. Итак, глобальная потребность в деятельности ООН возрастает, но бюджет организации невелик. Для разрешения этой ситуации Генеральный секретарь Пан Гимун избрал тактику многосторонней дипломатии, получившую положи-

тельную оценку международного сообщества. По сравнению с прошлым, вопросы «мягкой силы», с которыми сталкивается ООН сейчас...

О-о, Тончжу-у... Так-то, может, и сойдешь за препода. Но у меня вопрос: как теперь не заснуть от скуки?

– Тридцать. Тридцать один. Тридцать два. Тридцать три... – отсчитывал удары Тончжу.

Я свалил с дополнительных занятий и, конечно, попался классному: он тусовался на первом этаже. Мой испытательный срок еще не закончился, поэтому назначенное наказание было тут же приведено в исполнение. Тончжу – низкий ему поклон – разделил девяносто девять ударов на три месяца. Я вроде ясно выразился: поступать в универ не собираюсь. Значит, все, что мне остается делать на дополнительных занятиях, – это дремать, скорчившись на неудобном стуле. Ну почему, скажите на милость, я должен каждый день упражняться в умении спать на стуле?

– Велел же не прогуливать, зараза такая. Что, если Говнюк – такая у меня кликуха? – перестанет подкидывать халявную жратву? А? Куда побежишь? Пойдешь огурцerezками торговать вместе с отцом?

Из класса раздался сдавленный смешок.

– Кто там ржет? Продавать огурцerezки – это, между прочим, тяжкий труд! И лучше так, чем дома в потолок плевать. Болваны, да что вы понимаете!

На самом деле Тончжу говорит правду. Это действительно тяжелый труд. Но от этой правды меня, мягко сказать, воротит. А он, раскрывая чужой секрет, будто заявляет: «Я же не вру, какие претензии?» Самоутверждается за мой счет. Когда нужно промолчать, обязательно что-нибудь ляпнет, а потом еще и повторит для надежности, сделав меня посмешищем. Бессовестный училишка, зачем он унижает отца? Ведь это мой косяк... Ай, ой, больно-то как!

– Сегодня опять накатаете? Или сразу в полицию сдадите? За избиение? На большее-то мозгов не хватает...

Тончжу закончил порку и, отшвырнув указку, вышел вон.
– Эй, Вандыги! Твой папаша, это... и швец, и жнец, и огурцerezок продавец? То-то у тебя не лицо, а попка младенца. Огурец на морду – вот и весь секрет!

Ну все, хана тебе. В такие моменты тело реагирует быстрее, чем голова.

Один хороший пинок, и Хёкчу отлетел к ящикам для вещей. Это значит: хватить болтать. Такие сопляки, как он, учились драться у пацанов на районе, а я – у реальных вышибал. Разница колоссальная.

Хёкчу хотел отбиваться, но мне удалось схватить его палец и как следует вывернуть. На сегодня достаточно. А если будет опять паясничать, могу и щиколотку сломать. Под ак-

компанемент его визга я развернулся и направился к выходу.

Уже в метро набрал номер дяди:

– Вы где?

– Тре... Тре... Третья линия.

– Где именно?

– От Гу... Гу... Гупхабаль до Тэ... Тэ... Тэхва...

– Катаетесь по кругу?

– Ага.

– О'кей.

Я поехал на станцию Гупхабаль.

– Стопроцентная гарантия возврата! Такие плотные, что не рвутся даже от острого гвоздя! Экстраэластичные, экстраэластичные чулки! Пять пар за тысячу вон! Отличный подарок маме, сестре! Первокласные чулки – отличный подарок!

Сегодня, значит, уже чулки. Но людям было плевать, пусть чулки и первокласные. Пассажиры старались не смотреть на отца, который был ростом с сидящего человека. Прятали глаза. Косились исподтишка. А папа просто светился – таким я видел его в кабаре и вот теперь здесь, в метро. Когда он зазывал людей на шоу, его хмурое лицо озарялось лучезарной улыбкой. В детстве я радовался ей, думал, что она настоящая. Дядя ходил туда-сюда, держа в руке связку из пяти пар первокласных чулок. Но вдруг папа быстро запихал все в коробку. Напарник последовал его примеру.

Как только поезд остановился, отец первым выскочил из

вагона.

– Беги! – закричал он.

Схватив коробку, дядя бросился наутек. Папа спешил за ним что есть мочи, но оторваться от погони не смог. И те двое, что вышли следом из поезда, схватили его.

– Этот карлик не понимает, что ли, по-человечески... Сказали же: не шататься здесь!

Они стали избивать папу. Мы с дядей рванули к нему с двух сторон. Каждому досталось по противнику. Дядя бросился защищать, а я просто был взбешен. Из-за Тончжу, из-за того, что папе досталось. Мы никого не трогаем, какого черта все к нам цепляются?!

– Беги, па! – закричал я, схватив толстяка за пояс. Отец не двинулся с места. – Быстреей!

Папа не побежал. Выбора нет – придется драться. Но... Дядя мешается под ногами. Он не различает, кто на кого нападает. Я врезал противнику в солнечное сплетение. Затем схватил за руку, чтобы, перекинув через себя, сломать ему кисть.

– Не... Не... Не тащи на себе, – завопил дядя, увильнув от второго нападавшего. Тот ошарашенно выпучил глаза. И тут оба ринулись на меня. Дошло, наконец, с кем нужно драться. Главное – не подставлять спину. Нападая и отступая, снова нападая и снова отступая, я старался не подпускать их сзади. Если нет оружия, то им становится сам атакующий. Они напали почти одновременно. Тот, что первый вошел в зону

поражения, получил в челюсть. Под ухо – сильный удар. Он безжизненно свалился на пол. Бой почти закончен. Осталось убрать одного.

– У... У... Упал, – сообщил дядя, выглянув откуда-то сбоку, когда я схватил второго за стопу и уже хотел ее вывернуть.

– Эй, в сторону!

Черт! Упустил момент. Нога противника врезалась в бок. Перехватило дыхание. Папа бросается мне на помощь. Ну куда? Ты же ему по пояс! Но отец спешит не драться, а принять удар на себя...

Вдруг раздался свист. Это дежурные по станции. Если поймают, мало не покажется.

– Сю... Сю... Сюда! – зачем-то зовет их дядя, распахивая людей в стороны.

– Бежим!

Мы сорвались с места, следом драпанули те двое. А коробку с первоклассными чулками так и бросили впопыхах.

Тончжу меня уже отлупил. Теперь папина очередь. Что за несправедливость... В кабаре ходил, а в метро нельзя? Помогать же не собирался... Может, я и хороший сын, но не настолько. Вообще, хотел просто забрать их оттуда. В целом

так и получилось, правда пришлось удирать у всех на виду. Наверное, за это я и наказан. Порка дается папе непросто. Стареет...

– Правильно! Так его! Я бы сам с него шкуру спустил, с этого неслуха! – заорал Тончжу со своей крыши. А сосед из дома напротив в этот раз, как ни странно, помалкивал. И на том спасибо.

Папенькин сынок

Господи, сколько это будет продолжаться? Мы же договорились. Или терновые шипы так впились в кожу, что котелок не варит? Тончжу совсем распоясался: бухает как черт, детей избивает... Чему такой человек может научить? Перевоспитать его невозможно, поэтому остается только одно – убрать. Если не сделаешь до конца недели, так и знай, пойду к Будде! И перестану в тебя верить! Аминь.

– Привет, сестра, – улыбаясь, проговорил парень из Юго-Восточной Азии.

Не видишь, что перед тобой – полноценный мужчина? Какая еще «сестра»?!

Выйдя из церкви, я посмотрел на небо. Ни звездочки.

Прошло всего ничего, но когда вернулся домой, дядя уже спал. Он напомнил мне «Витрувианского человека» Леонардо да Винчи. Дядя лежал, широко раскинув руки и ноги. Ни дать ни взять золотое сечение. Небрежная прическа. Выра-

зительные глаза и крепкие мускулы, словно их обладатель не вылезает из тренажерки. Просто один в один! Ожившая картина! Как жаль, что он безупречен лишь внешне... Блин, теперь мне будет казаться, что «Витрувианский человек» вот-вот скажет: «З... Зд... Здравствуйте, я... На... Нам Мингу».

– Иди есть, – прервал отец мои размышления.

Сегодня он сварил рамен специально для меня. Как только порка закончилась, я психанул и убежал, хлопнув дверью, но вот... вернулся. Рамен вприкуску с черным рисом... Тончжу будет в бешенстве.

– Мы с Мингу уедем на пару дней. На ярмарку.

– Хорошо.

– Ешь и ложись.

– Угу.

– И кулаками кончай махать.

Ну что тут скажешь...

Я открыл упаковку готового риса и вывалил полутвердую массу в горячий бульон.

Спустя несколько дней папа купил подержанный автомобиль. Это был бордовый «Тико» девяносто шестого года выпуска. Отец до упора опустил сиденье водительского кресла, придвинув его вплотную к рулю. Из-за маленького роста ему

с трудом удавалось доставать до педалей. Когда он был за рулем, снаружи казалось, что машина едет сама по себе. Теперь эти двое смогут объехать все ярмарки страны. Классно, что у нас появился свой автомобиль. Дядя, сидевший рядом с отцом, выбрался наружу и одобрил покупку:

– 3... 3... Здорово!

Его лицо расплылось в довольной улыбке, как будто он сам сидел за рулем.

Папа вылил на колеса немного соджу.

– Не подводи, катай осторожно!

Это было своего рода напутствие или, можно сказать, подношение духам всех дорог.

– Ха! Что у вас тут за рухлядь? – раздался голос Тончжу. Под мышкой классный держал Библию. Видимо, шел из церкви. Что-что, а церковь он посещает исправно.

– На ярмарку собираемся.

– Хм, это же настоящая развалюха. Она не заглохнет по дороге?

– Для этого года пробег небольшой.

Тончжу просунул голову в окно автомобиля и оглядел приборную доску.

– Ого! Сто девяносто тысяч. Эта лошадка свое откатала. И откуда столько силенок?

– Зато без аварий. Мы с ней понежнее...

– Не помешает. Тут все на соплях держится. Ну, я пойду. Дядя, почесывая затылок, проводил Тончжу взглядом.

Они уехали, закинув в багажник оставшиеся огурцerezки и первоклассные чулки. Нужно было застолбить место на ярмарке, а значит, это надолго. Да уж, напора и решимости у отца не отнять.

– Почему ассенизаторы⁵ и мусоровозы зеленого цвета? – спросил придурок Хёкчу, когда Тончжу рассказывал о движении «зеленых».

– Балда, не стыдно тебе? Такие вопросы в детском саду задают, на уроке рисования!

Все сразу заржали, и классная комната превратилась в хаос.

– Просто интересно...

– На зеленый приятно смотреть, это цвет природы, так? Или надо, чтобы ассенизатор был цвета своего содержимого?!

– Но ведь они бывают и желтые, – вставил кто-то на полном серьезе.

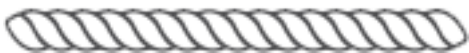
– Вот дебилы! Может, сами урок проведете?!

Звонок прозвенел очень кстати.

– Вандыги! За мной. Для остальных – короткая передышка и дополнительные занятия!

⁵ Машина с насосом для откачки жидких отходов. – *Прим. пер.*

Я поплелся в учительскую вслед за Тончжу.

– У тебя мать из Вьетнама, ты в курсе?

– Вы меня что, стебете?

– Отец не рассказывал?

О матери? Нет, не рассказывал, а я и не спрашивал. Ну отлично, блин... Из Вьетнама!

– Я разговаривал с ней. Она обрадовалась, что ты не в отца пошел. Переживала, наверное.

– Че вы гоните! Какая мать?!

– А тебя аист, что ли, принес? Видимо, в вашей семье это наследственное. Вы все... Как бы это помягче...

Господи! Прошу, сделай что-нибудь! Или я твою церковь... взорву, честное слово!

– Что за бред? В свидетельстве ее нет, я смотрел. Вы специально издеваетесь?

– Ого! Да ты совсем чайник! Ее имя только оттуда и убрал. Пятнадцать лет назад. А в семейном реестре все на месте. Знаешь хоть, что это? Твои родители даже не развелись – просто живут отдельно. А твоя мама этот документ до сих пор хранит!

– Ре... реестр?

– Дошло, наконец! Там на чистом корейском так и напи-

сано, что она твоя мать... Это такой способ получить гражданство: приехать в Корею и выйти замуж.

Вот блин, и как с ней общаться, если она из Вьетнама? Мне и слово «мама» непривычно, ведь я никогда его не проносил. Черт бы побрал этого Тончжу! От него одни только проблемы.

– Ну что, хочешь с ней встретиться?

– Зачем? И где вы вообще ее откопали? Даже я не знал...

С чего вы взяли, что она моя мать? Отвалите уже, а!

Я выбежал из учительской. В кои-то веки хотел отсидеть, как полагается, все дополнительные занятия, но настроение было испорчено. В класс я возвращаться не стал, просто пошел домой.

А что, если сбежать по-настоящему? Оставить клочок бумаги, нацарапав несколько строк в духе: «Мне известна тайна моего рождения. Прошу не искать меня», – и исчезнуть. Но вот вопрос: от кого сбежать? Отец укатил за тридевять земель, а мать вообще неизвестно где. Если решу вернуться, то найду свою записку нетронутой. Разве это семья? Даже сбежать невозможно... Я все бродил и бродил по улицам, но по иронии судьбы единственным местом, где можно было побыть в одиночестве, оказался наш дом.

– Эй, Вандыги! Ты там?

Вот блин, уже приперся! Я с головой закутался в одеяло.

Папа велел делать так в случае войны. Пули, вращаясь на высокой скорости, могут просверлить что угодно, но не ва-

ту. Когда я был совсем маленьким, началась Война в заливе⁶. Отец постоянно твердил мне о ней. О том, что подобный конфликт может произойти и у нас. Я очень этого боялся, особенно после того, как в началке увидел по телевизору американскую ракету, запущенную в сторону Ирака. Вообще в Корее война и не кончалась – страна находится в состоянии перемирия. Говорят, что в любой момент – бах! – и все закрутится снова. Я не находил себе места. Одеяло было хорошим решением, но где взять такое, которое сможет защитить от целой ракеты? Поиск гигантского ватного одеяла был моим главным занятием. А в средней школе я уже понимал, что таким способом современные пули и ракеты не остановить. Как и сейчас понимаю, что, закутавшись в одеяло, не смогу остановить Тончжу.

– Знаю, что ты там! А ну открывай! – прокричал классный и ударил в дверь. – Эй, Вандыги! Кому говорю!

Вали отсюда. Прошу, проваливай. Я из дома готов бежать, лишь бы твою рожу не видеть.

– Эй, Вандыги-Мандыги, хрен ты разберет! А ну открывай ему! Чтоб вас... Каждую ночь на голове стоят! Жить надоело?! – разразился проклятиями сосед из дома напротив. Сегодня он как-то рано. Казалось, от его крика трясутся стены. Мне ничего не оставалось, как открыть дверь и впустить Тончжу.

– Да он уже открыл, не ори! – прогорланил тот и шмыгнул

⁶ Имеется в виду Война в Персидском заливе в 1990–1991 гг. – *Прим. ред.*

внутри. – Ты чего портфель бросил? Двоечник!

Классный поставил на пол рюкзак, который я оставил в школе, расстегнул молнию и вытащил из него бутылку.

– Вот те на! Спиртное? Не рановато тебе? Посуду тащи.

Конечно, он сам купил соджу и подкинул в мой рюкзак.

Я поставил на стол стакан.

– А второй?

Чего это он?

– Второй, говорю, давай, бестолочь!

Еще один стакан возник на столе. Тончжу налил.

– Пей.

Просто нет слов.

– Чего тормозишь? Пей, говорю!

Я выпил залпом. Фу, жжется! И кому это нравится? Просто бензин какой-то! Вкус был настолько отвратительным, что у меня аж глаза заслезились.

– В первый раз пьешь?

Вопрос остался без ответа.

– Ты не похож на чистокровного корейца, я это сразу заметил. Посмотри на свои брови. В кого они такие густые?.. Твоя мама живет в районе Соннам. Ее знакомые ходят в нашу церковь.

Оказалось, она работает там в одном ресторанчике. Тончжу велел успокоиться и не комплексовать, потому что таких семей, как наша, на самом деле больше, чем можно подумать.

– Случается, что ради лучшей жизни женщина подписывает брачный контракт совсем юной, и даже не зная, как выглядит муж, уезжает в далекую страну, – продолжал он, – а тот оказывается инвалидом или смертельно больным. А бывает и так, что женой она числится лишь на бумаге, но в реальности пашет до полусмерти в какой-нибудь богом забытой деревушке, на ферме или вообще где-нибудь на острове. Там рождает ребенка и, когда муж теряет бдительность, скрепя сердце решается на побег. Муж считает виноватой жену, поскольку та его бросила, а жена – мужа, ведь ее обманули еще в самом начале.

Тончжу сказал, что маме, наверное, было очень тяжело в нашей стране. Ведь на таких, как папа, здесь смотрят косо, а на людей из бедных стран – свысока, называя их родину третьим миром, а то и похуже. Ну и что? Зачем он мне это рассказывает? Я вообще рос сиротой, что значит «плюс один» ко всем перечисленным бедам. Как бы в утешение Тончжу добавил, что отец не скрывал инвалидности и в анкете написал о себе только правду, но посредник сам убрал эту часть и заверил брак. То есть папа ни в чем не виноват.

– Твоя мать хочет встретиться.

– Это к папе.

– Говорю, тебя видеть хочет.

– Сначала спросите у него.

– Вот заладил! Ты, ты ей нужен!

– Да сколько раз повторять! Спросите у папы!

– Ну ладно! Папенькин сынок... Я пошел.

Тончжу большими глотками осушил стакан и вышел из комнаты.

Через несколько секунд хлопнула входная дверь.

– Запри на замок, чудовище! – прокричал он напоследок.

Взяв тетрадь, я сел за стол, где и обедал, и делал уроки.

Ну-с, приступим. Что, стоит написать книгу? Ведь моя жизнь – это уже материал для Нобелевской премии.

Вандыги, сходи, купи пару чулок... Здесь что, детский сад?! Сказал же, не таскать сюда мелкого!.. Рамен, приготовленный и съеденный в одиночестве... Кастрюля с кипящим бульоном, который льется через край... Грязная газовая плита...

А как я жил? Да хреново, вот как! И все это время мамы не было рядом... Из Вьетнама, чтоб его!

Я отшвырнул тетрадь, и та, врезавшись в стену, распласталась по полу.

– Кто ходит в хагвон, поднимите руку. Сначала те, у кого один предмет.

В воздухе несмело замаячила пара рук.

– Теперь те, у кого несколько. Эй, кто там то поднимает, то опускает? Давайте по-честному! Тех, кто ходит в хагвон,

освобожу от дополнительных занятий!

Все стали быстро поднимать руки.

– Вандыги, ты-то куда?

Ну да, не прокатило. Тончжу живет рядом, поэтому все про меня знает. Я сделал вид, что поднял руку только для того, чтобы почесать затылок.

– С этого дня и те и другие обязательно должны посещать дополнительные занятия!

Класс недовольно загудел.

– Директор велел опросить. Небольшой перерыв и приступаем к работе!

Надо же так надуть собственных учеников! Ну просто злой гений!

– Вандыги, ты подумал?

– О чем?

– А, черт с тобой!

Тончжу махнул рукой и вышел из класса.

– О чем классный сказал подумать? – спросил у меня Хёкчу. Настырный придурок. На среднем пальце – гипс, а все продолжает паясничать.

– О поступлении в Сеульский.

– Гонишь! И не Юнхе, а тебе? Совсем чокнулся.

Эти два придурка, Тончжу и Хёкчу, могут соревноваться между собой, кто придурочней.

– Кстати, он тут целый спектакль устроил, чтобы тебя не выперли. Че у вас с ним, если по чесноку? – допытывался

Хёкчу, показывая мне палец в гипсе.

Нет, все-таки он придурок номер один. За сломанный палец мне действительно не влетело, и это странно. Может, Тончжу не совсем бессовестный, раз встал на мою защиту? Господи, ты поэтому его пощадил? Нет, это ничего не меняет, расправу нельзя откладывать.

– Да ниче. Ужинаем вместе.

Учитывая, что Тончжу жрет мой бесплатный рис, это почти правда.

– Seriously? Он же тебе не отец и не брат! Вы что, родственники?

– Да, блин! Самые настоящие!

– Я так и знал! Ребят, ребят, слушайте! Вандыги с Тончжу родственники!

На меня стали пялиться. Вот позорище... Когда закончу с классным, попрошу Бога, чтобы с этим придурком тоже разобрался.

Прости, мама

– Б... Было... Гр... Грязно.

– Хм, а ты стал меньше заикаться.

Дядя заулыбался. Он провел за уборкой всю ночь.

Пол блестел, словно его натерли воском. А в утренних лучах и вовсе засверкал. Чтобы добиться такого эффекта, дядя, наверное, глаз не сомкнул. Как же хорошо просыпаться в чистой комнате, как радостно!

– С-сука! Вот прицепился! Че сразу я-то?!

– А кто тогда?! Больше некому!

Тончжу и сосед из дома напротив чего-то не поделили. Так и знал, что эти двое когда-нибудь сцепятся.

– Отвали уже! Говорю, это не я!

Папа с дядей стояли на крыше и смотрели вниз на наш переулок. Похоже, там назревала драка.

– Иди узнай, в чем дело, – попросил отец.

– Хорошо.

Я спустился по лестнице. На бампере нашего «Тико» красовалась огромная надпись «СУКА». Было видно, что делали ее очень тщательно.

– Какого хрена?!

– А, Вандыги! Доброе утро! – поздоровался Тончжу и указал на соседа. – Это он постарался! Его любимое слово, а все отрицает, падла!

– О-о, ты тот самый Вандыги-Мандыги? – скривился сосед.

– Вы нацарапали? – проговорил я, сдерживая себя.

– А чем докажешь?! Чем, сука, докажешь?!

Тут подошел папа, а за ним – дядя. Увидев надпись, тот замахал руками:

– П... П... Плохо! Не... Не... Нельзя!

– Это что еще за пара уродцев? – не успел сказать сосед, как мой кулак впечатался ему в морду. Я бы тут же прикончил ублюдка, но эти трое меня остановили.

– Вандыги защищал отца, вы же понимаете? Родителя оскорбляют, а он должен стоять в сторонке? Разберитесь как следует!

Тончжу наседали на участкового, а мы просто молчали. У дяди фобия: при виде полиции он либо убегает, либо засты-

вает на месте. Почему молчит папа, я не знаю. Но у него такое лицо, будто это он нацарапал оскорбление на собственной машине. А я... А я уже высказал свое мнение, когда ушатал соседа. Тончжу еще пытался что-то доказывать, а тот тихонько скулил:

– Господи, умираю...

– Эй, потише, пожалуйста! – прикрикнул на него полицейский.

– Паркуешь, значит, машину... У собственного дома! А этот черт на ней – «СУКА»! Да еще и гвоздем! Это потому, что у господина До инвалидность! Иначе кишка тонка! В цивилизованном обществе такого бы не произошло!

Хлопнув по столу, Тончжу изобразил на лице крайнее разочарование. Вот актер!

– Что значит «у собственного»?! У моего дома! – не унимался сосед.

– Да с какой стати?! Подъезды напротив! Сволочь, у тебя и машины-то нет!

– Я свою квартиру купил, а мелкорослый снимает!

– Вот кретин, ты что, все мозги пропил? Он за нее платит, значит, имеет право! Улица перед домом общая! – не сдавался Тончжу.

– Не выражайтесь, пожалуйста, – осадил его участковый и продолжил, обращаясь к соседу. – Уважаемый, а учитель-то прав!

– Тьфу на вас, коррупционеры!

– Но-но! – Полицейский угрожающе повысил голос.

Тот застонал, а Тончжу опять оживился:

– Я классный руководитель Вандыги. Поверьте, это просто ангел, а не ребенок! Учится на отлично... Отца оскорбили, вот он и погорячился. Войдите в положение!

– Понимаю... Но вы должны сами пойти на мировую, – вздохнул участковый и снова обратился к соседу. – Не похоже, что вы сильно пострадали. Давайте уладим все по-хорошему? Пространство перед домом общее, тут и вопросов быть не может. Если не хотите идти мирным путем, придется оплатить покраску машины, зачем вам это?

– Той развалюхи? А вот и оплачу! «Мирным путем», ишь чего! Выродка – упечь за нападение! По статье! По закону!

– Нанесение тяжких телесных, моральный ущерб, порча имущества! Мы с тебя ого-го сколько спросим! – закричал Тончжу, выпучив глаза.

– Чего-о?.. – сосед заметно струхнул.

– Мы свои права знаем! – не унимался классный. – Я так-то препод! Университет окончил! А ты, гляжу, закон уважаешь?!

– Ой-ой-ой, как страшно! Тоже мне, имущество – ведро с болтами!

Кажется, сосед решил уносить ноги, он уже поднимался с места.

– Постойте, отметьтесь вот здесь! – спохватился участковый, и мужчина, окунув палец в чернила, плотно прижал его

к документу, после чего заспешил прочь.

Покраску машины нам так никто и не оплатил, а мы, естественно, не оплатили «лечение». На «Тико» по-прежнему красовалась оскорбительная надпись. Я взял красный перманентный маркер и попытался замаскировать проблему. Вышло даже неплохо, но время от времени процедуру придется повторять. Завидев Тончжу, сосед показывал ему средний палец. Завидев соседа, Тончжу беззвучно посылал его куда подальше. Теперь все в нашем районе знали, что Тончжу – школьный учитель. И чтобы сохранить лицо, вслух он не матерился. Вот продуманный! Даже не боится, что ублюдок-сосед, как и я, пойдет в церковь и помолится о возмездии.

Помяни черта! С мусорным пакетом в руках Тончжу вышел из подъезда в тот самый момент, когда папа включил зажигание.

- Опять уезжаете?
- Да, пора. А то не успеем к началу ярмарки.
- Так-так-так... Вандыги ничего вам не говорил?
- А что такое?
- Да нет, просто... Может, он хоть за перо взялся?
- Вот вы и проследите. А я буду спокоен. Под вашу ответственность, так сказать.

– Да он вроде и сам справляется...

– Еще бы! Один же рос...

– Ну все, па, давай. – Похлопав по крыше автомобиля, я прервал разговор, свернувший не в то русло.

– Ва... Ва... Вандыги... – глядя на Тончжу, залепетал дядя.

– Я за ним присмотрю, – отозвался тот. Наконец-то и он научился угадывать по первому слову.

«Тико» выехал из переулка. Коробки с китайскими наборами для маникюра и очками для чтения заняли весь фургон.

Ярмарка проходила в провинции Чхунчхондо. Если переезжать от одного рынка к другому в ее пределах, это может занять пару месяцев. Но ярмарочных дней всего десять, поэтому папа с дядей планировали посетить только южную часть – около тридцати торговых точек. Чтобы успеть в каждую, на отдых останавливаться нельзя. В итоге, возвращаясь в Сеул за новой партией товара, они даже не успевали заглянуть домой.

Эти двое, проведя полжизни в дымном полумраке, решились выйти на свет. Каково им сейчас? Ярмарка – это, конечно, лучше, чем кабаре, где я насмотрелся всякого. Как бьют отца, как, несмотря на это, он улыбается. В детстве мне было страшно, что эту улыбку вот-вот сменят слезы. Догадывался ли папа об этом? Думаю, да. Ведь когда пришло время идти в среднюю школу, он снял для меня отдельную комнатку.

Его явно беспокоил тот факт, что сыну приходится проводить детство между общагой и кабаре.

– Вандыги! Как тебе мои танцы? Тоже смешно? Хе-хе-хе. Я вроде не клоун, а все хохочут... В этом деле важен не рост, а ритм! И что они смыслят в искусстве? Был бы я сантиметров на десять повыше... Хе-хе.

С самого моего детства папа, выпив, всегда заводил подобный разговор. И по мере того как я рос, слушать его слова становилось больнее. Визиты в кабаре прекратились в четырнадцать лет. Но то место – одно из первых воспоминаний. Иногда я даже по нему скучаю.

– Отцу говорил про мать? – опять пристал ко мне классный. – Она хочет зайти, повидать тебя, но боится, что встретится с ним.

– Вы че опять гоните? Докажите родство, а так не поверю!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.